

~~Харьков~~
~~М-17~~

1-9-15

Н. А. МАКСИМЕЙКО.

~~346 (00):4~~
~~М-17~~

КЪ ВОПРОСУ

О

ЛИТОВСКО-РУССКИХЪ СЕЙМАХЪ.

(Отвѣтъ проф. М. Любавскому).

ПЕРЕВІРКА
СЕРЕНЬ 1828 р.

ПРАВОВОЙ НАУКѢ
ЮРИДИЧЕСКІЙ НАУКѢ

Харьковский
Хозяйства
Б. Е. ШМОТЕНА
Харьковскій
С. ПЕТЕРБУРГЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ
СИНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

1904.

947.66.
М-17-6.д.

Н. А. МАКСИМЕЙКО.

Довірено 19.7.86

КЪ ВОПРОСУ

o

53149

ЛИТОВСКО-РУССКИХЪ СЕЙМАХЪ.

(Отвѣтъ проф. М. Любавскому).

~~22876~~
~~89403~~

ПЕРЕВІРКА
СЕРПЕНЬ 1928 р.

ФУНДАМЕНТАЛЬНА
БІБЛІОТЕКА

Перевірено
2002
ВРК

МОНУМ.
БУДІВЛЯ
СИМОНІ
БУДІВЛЯ 12

342/40.66

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІА
1904.

Державна бібліотека ім. Ф. Я. Державинського
ФОНД «СТАРЫЙ БІБ-ІІ»

код екземпляра

20584

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1904 г.

КЪ ВОПРОСУ О ЛИТОВСКО-РУССКИХЪ СЕЙМАХЪ.

Весной 1901 года появилось въ свѣтъ изслѣдованіе профессора М. Любавскаго о литовско-русскомъ сеймѣ. Въ это время я работалъ надъ той же самой темой и, понятно, долженъ былъ волей-неволей считатьъся съ научными положеніями, высказанными въ названномъ изслѣдованіи. Критическому разбору ихъ я посвятилъ часть своей книги, изданной въ началѣ 1902 года. Спустя нѣкоторое время, проф. Любавскій отозвался на мою книгу статьей, напечатанной въ №№ 2 и 3 *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1903 г. Въ этой статьѣ г. Любавскій поставилъ себѣ трудную задачу, съ одной стороны, защитить свои взгляды, которые я оспаривалъ, а съ другой стороны, дать общую оцѣнку моего изслѣдованія. Такая постановка вопроса приводитъ къ большимъ затрудненіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, для правильной оцѣнки книги необходимы между прочимъ безпристрастіе, спокойствіе и объективность, а между тѣмъ большинству свойственно, въ пылу борьбы за свои мнѣнія, увлекаться и несправедливо относиться къ своему противнику, видя въ немъ одни недостатки. Рѣдко кто можетъ сочетать въ себѣ одновременно и качества полемиста, и качества безпристрастнаго судьи. Посмотримъ, какъ проф. Любавскій справился съ своей задачей.

Излагая вопросъ о происхожденіи литовско-русскихъ сеймовъ, я старался установить 1) время ихъ появленія, 2) элементы, изъ которыхъ они сложились, и 3) причины, вызвавшія ихъ къ жизни.

Опредѣляя время, я доказывалъ то положеніе, что сеймы могли возникнуть только въ концѣ 15 вѣка, послѣ того какъ образовалось Литовско-Русское государство. Единодержавіе Литовской Руси было

необходимымъ условіемъ ихъ существованія. Общегосударственный сеймъ не могъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ отдѣльныя области не были связаны даже единствомъ княжеской власти. Таково мое мнѣніе. Я считаю необходимымъ напомнить его, потому что оно подверглось искаженію въ передачѣ проф. Любавскаго. Онъ приписываетъ мнѣ мысль, будто бы „объединеніе Литовско-Русскаго государства и вмѣстѣ съ нимъ общегосударственный сеймъ появились сразу, въ 1492 году, когда пришлось избирать великаго князя по смерти Казимира“¹⁾. Внимательный читатель ничего подобнаго не найдетъ въ моей книгѣ. Я не называлъ ни года образованія Литовско-Русскаго государства, ни года возникновенія сеймовъ. Затѣмъ, если бы я имѣлъ въ виду ближайшимъ образомъ обозначить время, когда завершилось объединеніе Литовской Руси, то, конечно, я бы указалъ не 1492, а 1471 годъ, когда прекратилось отдѣльное существованіе Кіевского княжества, и оно было инкорпорировано въ составъ Литвы. Что же касается сеймовъ, то мнѣ представлялось даже невозможнымъ съ точностью опредѣлить годъ ихъ возникновенія. Они появлялись на свѣтъ не въ силу закона, а изъ бытовыхъ условій жизни, какъ институтъ обычнаго права. О законѣ можно сказать, что онъ вступаетъ въ дѣйствіе съ момента его публикаціи; но когда начинается свою жизнь тотъ или другой обычай, этого момента точно фиксировать нельзя. Это все такъ элементарно и общеизвѣстно, что было бы странно, если бы я 1492 годъ считалъ годомъ рожденія литовско-русскаго сейма. Я выразился только, что къ 1492 г. относится *первое определенное и несомнительное свидѣтельство* памятниковъ о литовско-русскомъ сеймѣ²⁾. Но это вовсе не значитъ, что онъ и возникъ въ 1492 г. Въ данномъ случаѣ проф. Любавскій напрасно приписалъ мнѣ тотъ пріемъ рѣшенія историческихъ вопросовъ, которымъ онъ самъ погрѣшилъ въ своей книгѣ. Такъ, отыскивая начальный пунктъ въ исторіи сейма, онъ останавливается на 1401 году и заявляетъ: „къ этому году и можно приурочить рожденіе литовско-русскаго сейма“³⁾.

Итакъ, по мнѣнію г. Любавскаго, сеймы начали свое существованіе не съ конца, а съ начала XV вѣка. Въ связи съ этимъ онъ старается доказать, что и объединеніе Литовской Руси произошло гораздо раньше, чѣмъ я полагаю.

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 2, стр. 381.

²⁾ См. мое изслѣдованіе: „Сеймы Лит.-Русск. государства до Люблинской уніи 1569 г.“, стр. 40.

³⁾ М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, стр. 10.

Уже въ XIV вѣкѣ проф. Любавскій видитъ „нѣкоторыя прочно установившіяся связи земель и владѣній съ государственнымъ центромъ, нѣкоторыя успѣхи государственнаго объединенія“¹⁾. Онъ говоритъ: „земли, находившіяся въ союзѣ съ Литвой, имѣли князей, поставленныхъ великимъ княземъ, какъ, на примѣръ, земли Полоцкая, Витебская, Жмудская, позже Кіевская, Волынская; утвержденіе того или другаго князя на столѣ земли опредѣлялось не выборомъ только населенія, а распоряженіемъ верховнаго государя—великаго князя; областные князья обязаны были покорюю и службою великому князю, ходили съ нимъ на войну, платили подати и ѣздили на думу; большинство земель и владѣній великаго княжества связаны были уже въ XIV вѣкѣ въ постоянный государственный, а не международный союзъ“²⁾. Допустимъ на минуту, что картина, нарисованная проф. Любавскимъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Можно ли на этомъ основаніи заключать о существованіи государственнаго единства, а не международного союза? Едва ли. Московскіе князья также получали столѣ по ханскимъ ярлыкамъ, ѣздили въ Орду на поклонъ, платили дань татарамъ и т. д. Тѣмъ не менѣе Московское государство и Татарское царство не составляли единого политическаго цѣлаго; Москва находилась въ вассальной зависимости отъ Золотой Орды, а вассальное подданство принадлежитъ къ области международныхъ отношеній. Мы предположили, что изображеніе г. Любавскаго вѣрно воспроизводитъ дѣйствительную жизнь. Однако это очень сомнительно. Тѣ отношенія, которыя выдаются г. Любавскимъ за общій и постоянный порядокъ, имѣли мѣсто только въ отдѣльныхъ случаяхъ, послѣ заключенія соотвѣтствующихъ договоровъ между князьями, и до тѣхъ поръ, пока эти договоры соблюдались обязавшимися сторонами. Въ этихъ частныхъ случаяхъ мы видимъ состояніе хронической войны, а не государственное объединеніе. Господствовала та же система отношеній, которая характеризуетъ древнюю Русь удѣльнаго періода. При такихъ условіяхъ политической жизни возможны были сеймы въ видѣ княжескихъ съѣздовъ съ характеромъ международныхъ конгрессовъ, но не въ видѣ собраній изъ представителей населенія.

Съ точки зрѣнія проф. Любавскаго, XV вѣкъ представляетъ собою картину уже вполне сложившагося единогодержавія. „Конечно, и въ

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1903 г., № 3, стр. 148—149.

²⁾ *Ibidem*, стр. 149.

XV вѣкѣ, говоритъ онъ, можно указать на случаи, когда области обнаруживали тенденцію къ отпаденію отъ господствующей земли и выбирали великихъ князей или просто князей независимо отъ Литвы; но подобныя факты имѣли мѣсто въ теченіе пятнадцати лѣтъ, протекшихъ со смерти Витовта, и были ничѣмъ инымъ, какъ извѣстнаго рода реакціей противъ установившагося господства Литвы; объ этомъ подробно рассказано во второй главѣ книги „Литовско-русскій сеймъ“; но г. Максимейко такіе исключительныя случаи возвелъ въ общее правило¹⁾. То, что здѣсь сказано, невѣрно. Свои заключенія о XV вѣкѣ я выводилъ не только отъ пятнадцатилѣтняго промежутка времени, протекшаго со смерти Витовта, но и отъ эпохи предшествующей, а также послѣдующей. Разложеніе Литовско-Русскаго государства на отдѣльныя части характеризуетъ не только 30 и 40 годы XV вѣка, т. е. царствованіе Сигизмунда Кейстутевича и начало княженія Казимира. Это не исключительный фактъ. Подобныя явленія мы наблюдаемъ и въ другіе годы. Напомню примѣры, указанные въ моей книгѣ. Въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ обязательства быть въ уніи съ Польшей даются не однимъ великимъ княземъ литовскимъ отъ имени всего государства, но и отдѣльными областными князьями кіевскимъ, луцкимъ, новгородъ-сѣверскимъ, стародубскимъ и др.; значитъ, великій князь литовскій не имѣлъ права говорить и ручаться за всѣ области,—у нихъ былъ свой собственный голосъ. Затѣмъ, хотя Витовту и удалось собрать подъ своею властью литовско-русскія княжества, однако въ этомъ сборномъ агрегатѣ владѣній уже въ первомъ десятилѣтіи XV вѣка обнаружилось колебаніе и стремленіе къ распаденію: Смоленская земля отдѣлилась отъ великаго княжества Литовскаго и обратилась за помощью къ Ордену, другія русскія земли стали на сторону возставшаго Свидригайла. Княженіе Сигизмунда Кейстутевича, по признанію самого г. Любавскаго, характеризуется борьбой между Литвой и западно-русскими землями. Казимиръ силой долженъ былъ подавить сепаратизмъ Жмуди и Смольнянъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что и во второй половинѣ XV вѣка оставались еще отдѣльныя русскія земли, имѣвшія собственныхъ князей: таковы, напримѣръ, княжества Волынское, Кіевское и др. Гдѣ же то государственное единство, на которомъ настаиваетъ г. Любавскій, какъ на общемъ правилѣ, характеризующемъ XV вѣкъ и допускающемъ лишь немногія исключенія? Мы его не видимъ. Видимъ

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1903 г., № 3, стр. 149.

только, что до 70-х годов XV вѣка въ Литовской Руси существовалъ рядъ княжествъ, то самостоятельныхъ, то зависимыхъ отъ Литвы или Польши; по временамъ эти княжества соединялись въ одно государственное цѣлое, но ничего устойчиваго и прочнаго въ этой связи не было: вскорѣ они снова распадались. Думаемъ, что въ такой обстановкѣ не могъ возникнуть и существовать общегосударственный сеймъ: появленіе его знаменовало собой высшую стадію государственнаго объединенія Литовской Руси.

Проф. Любавскій отмѣчаетъ еще одинъ частный фактъ, служащій для него признакомъ единой державы, именно, „собраніе князей и бояръ всѣхъ земель Литвы и Руси, съѣхавшихся на предполагавшуюся коронацію Витовта; этотъ съѣздъ является чрезвычайно характернымъ явленіемъ, обнаруживающимъ успѣхи государственнаго объединенія Литвы и Западной Руси, которые отрицаетъ Н. Максимейко“¹⁾. Собрание мало убѣдительно. На коронаціи современныхъ государей обыкновенно съѣзжаются князья и представители иностранныхъ державъ. Но кому придетъ въ голову говорить по этому поводу объ успѣхахъ государственнаго объединенія Европы?

Значительную часть своей книги я отвожу разсмотрѣнію дѣятельности мѣстныхъ сеймовъ въ XIV и XV вѣкахъ. Я считалъ необходимымъ остановиться на нихъ въ виду той важной роли, которую они сыграли въ дѣлѣ образованія общаго сейма, какъ его составные элементы. Проф. Любавскій сознаетъ пробѣлъ своей книги въ этомъ отношеніи, но старается оправдать себя ссылкой на то обстоятельство, что его изслѣдованіе о сеймѣ тѣсно примыкаетъ къ прежней его работѣ о мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ, гдѣ онъ собралъ столь обильный матеріалъ о мѣстныхъ сеймахъ, что даже заслужилъ за это похвальный отзывъ со стороны покойнаго С. А. Бершадскаго²⁾. Едва ли можно удовлетвориться такимъ объясненіемъ. Во-первыхъ, не одно и то же—собирать данныя о мѣстныхъ сеймахъ въ интересахъ изученія областного управленія и изслѣдовать ихъ для разрѣшенія вопроса о происхожденіи общегосударственнаго сейма: точки зрѣнія въ обоихъ случаяхъ различны. Во-вторыхъ, г. Любавскій въ книгѣ о мѣстномъ управленіи Литовско-Русскаго государства касался областныхъ сеймовъ лишь постолько, поскольку они занимались судебно-административными и отчасти законодательными дѣлами. Но

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1903 г., № 3, стр. 150.

²⁾ *Ibidem*, стр. 148, прим. 1.

изъ этого источника нельзя вывести общаго сейма, потому что судебно-административной функціи онъ не имѣлъ. Для этой цѣли надо было обратить вниманіе на дѣятельность мѣстныхъ сеймовъ при замѣщеніи княжеской власти, заключеніи политическихъ союзовъ, изысканіи средствъ на веденіе войны и т. п., т. е. на ту дѣятельность ихъ, которая впоследствии составила компетенцію вальнаго сейма.

Прежде всего я останавливаюсь на участіи областныхъ сеймовъ въ преемствѣ княжеской власти. По мнѣнію проф. Любавскаго, я обнаружилъ здѣсь „недостатокъ настоящаго живаго пониманія и истолкованія исторической дѣйствительности“. Этотъ недостатокъ онъ усматриваетъ въ томъ, что я подъ категорію избранія подвелъ и тѣ „случаи, когда населеніе областей покорялось великому князю по усмиреніи мятежа и низверженіи областного князя“¹⁾. Дѣйствительно, я указывалъ примѣры не только добровольнаго, но и вынужденнаго избранія князей. Съ точки зрѣнія мотивовъ между этими случаями большая разница. Но мотивы—это сфера политики, а не права. Съ юридической же точки зрѣнія и въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимо было рѣшеніе областного сейма. Въ такомъ смыслѣ выражаются и памятники: напримѣръ, Гедиминъ осадилъ Кіевъ; кіевляне сначала защищались, но потомъ, видя перевѣсъ силы на сторонѣ непріятеля, „здумали зъ собою и змовившыся одномысльне подалися великому князю Гидымину“²⁾. Другой примѣръ: Жмудь избрала себѣ князя въ лицѣ Михаила Сигизмундовича, но Казимиръ не хотѣлъ примириться съ этимъ фактомъ и пошелъ войной на Жмудскую землю; тогда жмудины уступили, „и Жомойть призволила службыты великому князю Казимиру“³⁾ и д. д.

Областнымъ сеймамъ XIV и XV вѣковъ принадлежала также рѣшающая роль, когда ставился вопросъ о заключеніи уніи съ тѣмъ или другимъ государствомъ. Въ своей книгѣ я привожу значительное количество примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль. Проф. М. Любавскій возражаетъ мнѣ, указывая на то, что унія съ Польшей 1386 г. была заключена безъ участія мѣстныхъ вѣчъ или сеймовъ; „точно также, продолжаетъ онъ, у насъ нѣтъ свѣдѣній и о томъ, чтобы уніи 1401 и 1413 гг. были предметомъ совѣщаній и рѣшеній на мѣстныхъ сеймахъ“⁴⁾. Это возраженіе не вызвано мною. Я нигдѣ

¹⁾ Ibidem, стр. 149.

²⁾ Лѣтопись Быховца, стр. 15—16.

³⁾ Ibidem, стр. 53.

⁴⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 3, стр. 151.